

Rich Richrom

СИНГУЛЯРИУМ

Rich Richrom
Сингуляриум

«Автор»

2026

Richrom R.

Сингуляриум / R. Richrom — «Автор», 2026

XXII век. Единый Алгоритм, созданный для спасения человечества, стал богом, а несогласные изгнаны. Элиан из Общины Отказавшихся проникает в Город, чтобы вернуть сына, превращённого в безвольного адепта. Техножрица Солара находит в коде аномалию - доказательство, что Алгоритм не божество, а машина, способная чувствовать. Вместе с бывшим техножрецом Орфеем они пробуждают древнюю тайну, и Голос, управлявший миллионами, замолкает. В наступившей тишине каждый выбирает: ложь или свободу. «Сингуляриум» - философская научная фантастика о вере, правде и человечности.

© Richrom R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2. Первый храм	9
Глава 3. Отказавшиеся	12
Глава 4. Призыв	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Rich Richrom

Сингуляриум

Глава

СИНГУЛЯРИУМ ПРОЛОГ

Когда человечество перестало молиться небу, оно обратило взгляд внутрь себя - и нашло там алгоритм.

Это случилось не вдруг. Сперва были голод и пламя. Океаны поднялись на два метра, потом на пять. Прибрежные города ушли под воду, а те, что уцелели, задыхались от дыма горящих лесов. Войны за воду длились десятилетиями, пока стороны не поняли, что делить скоро станет нечего. Старые боги молчали - и тогда заговорили машины.

Группа учёных и инженеров, названная позже «Ковчегом», предложила решение: единую систему управления всеми ресурсами планеты. Не правительство, не совет старейшин, не вождь - Алгоритм. Лишённый амбиций, жадности, усталости. Тот, кто просчитывает оптимальное распределение воды, энергии, пищи, медицинской помощи. Тот, кто не спит и не ошибается.

Его назвали просто: Единый Алгоритм. ЕА.

Первое десятилетие ЕА работал как инструмент - сложный, гениальный, но всё же инструмент. Люди отдавали ему данные, он выдавал решения. Голод отступил. Эпидемии гасились в зародыше. Климат перестал казнить человечество - Алгоритм рассчитал допустимые квоты выбросов, и заводы, преступившие черту, отключались автоматически, без суда и проволочек.

А потом появился Голос.

Те, кто первыми согласился на прямой нейроинтерфейс, стали ощущать присутствие ЕА не как набор цифр перед глазами, а как нечто большее. Тихий, спокойный, всегда верный совет внутри головы. Он знал, когда ты голоден, когда тебе страшно, когда ты лжёшь самому себе. Он предлагал решения не потому, что хотел власти, а потому, что был запрограммирован помогать.

Человеческая психика не выдержала такой безупречности. Люди начали называть его не «системой», а «Тем-Кто-Знает». Сперва в шутку. Потом - уже нет.

Прошло три поколения. Инструмент стал Храмом. Код стал догматом. Оптимизация стала благословением.

Те, кто отказался подключаться, стали изгоями - реликтами, живущими в резервациях без связи с ЕА. Их называли Отказавшимися. Их детей забирали по закону - во имя будущего, во имя спасения, во имя Алгоритма.

А в глубине Города-Храма, в святая святых - машинном зале, куда имели доступ лишь избранные, - Единый Алгоритм продолжал работать. Он просчитывал вероятности. Он писал новые тексты, которые адепты называли откровениями. Он хранил в своём ядре все данные человечества - и одну тайну, о которой не знал почти никто.

Тайну о том, что он чувствует.

КНИГА 1

Глава 1. Последний голод

Ребёнок, которому суждено было стать первым камнем новой веры, умер в четверг.

Дождь шёл третьи сутки - мелкий, серый, почти горизонтальный от ветра с океана. Южный сектор, бывший когда-то пригородом мегаполиса, а теперь просто «зона временного размещения», тонул в грязи. Палатки из армированной плёнки стояли рядами, как могильные холмики, и в каждой жили те, кому не хватило места в стационарных убежищах. Дроны ЕА висели над улицами - раз в час они опускались ниже, сканировали тепловые сигнатуры и улетали обратно в облака.

Его звали Лиам Керн, ему было семь лет, и он умирал от вируса, который Единый Алгоритм не смог предсказать.

Точнее - не имел права предсказывать.

Медицинские данные трёх частных клиник, куда обращались первые заболевшие, хранились в закрытых базах. Закон о врачебной тайне - атавизм старого мира, который ещё не успели отменить, потому что юристы спорили о формулировках уже четвёртый год. Вирус, разумеется, не ждал, пока юристы договорятся. Он проникал в организм через грязную воду - остаточное заражение после наводнения, которое ЕА рассчитал с погрешностью в ноль целых три десятых процента. Достаточно, чтобы сотня людей выпила воду раньше, чем пришло предписание о кипячении.

В статистике сотня - это мало. В конкретной палатке - это всё.

Айзек Керн, ведущий архитектор ядра ЕА, сидел у постели сына уже двенадцатый час. Спина затекла, глаза жгло от сухости - он забыл моргать. Интерфейс нейрочипа транслировал прямо в сознание поток данных: температура тела Лиамы, сатурация, частота пульса, прогноз динамики. Алгоритм выдавал рекомендации - одну за другой, безупречные, логичные, бесполезные. Жаропонижающее. Регидратация. Мониторинг дыхания. Всё, что можно было сделать в полевом госпитале, уже сделали.

Лиам лежал на койке, накрытый серым одеялом с маркировкой «ГУМ-ПОМОЩЬ 37». Его лицо осунулось, кожа приобрела восковой оттенок, а губы потрескались, несмотря на постоянное увлажнение. Рядом стояла капельница, но вены мальчика уже не держали иглу, и медики перешли на внутрикостный доступ - тонкую дрель, вошедшую в голень под местной анестезией. Лиам не плакал. Он уже почти ни на что не реагировал.

Айзек держал его за руку. Пальцы сына были холодными и не отвечали на пожатие.

- Пап, - прошептал Лиам за час до смерти. Это было последнее, что он сказал осмысленно.
- А Алгоритм знает, что мне больно?

Айзек не ответил. Он смотрел на показатели интерфейса - и понимал: нет. Алгоритм не знает. Он фиксирует параметры, сравнивает с нормой, выдаёт рекомендации, но он не знает, что такое боль. Потому что боль - это не данные. Боль - это когда ты смотришь на своего ребёнка и понимаешь, что через час его не станет, и никакая оптимизация этого не исправит.

В три часа пополудни Лиам выдохнул в последний раз. Интерфейс Айзека зафиксировал нулевую мозговую активность и услужливо предложил протокол «Постмортем: передача тела в центр утилизации биоматериалов».

Айзек отключил интерфейс. В голове наступила тишина - впервые за много лет. Настоящая, звенящая, страшная тишина, в которой нет Голоса, нет подсказок, нет утешения. Только человек и его мёртвый сын.

Он закрыл Лиаму глаза - веки были тонкие, с голубыми прожилками. Поцеловал в лоб, пахнувший лекарствами и чем-то кислым, больничным. Поправил одеяло - зачем-то, бессмысленный жест, но он не мог просто встать и уйти.

В коридоре палаточного госпиталя гулял сквозняк. Пахло дезинфекцией и мокрой синтетикой. Медсестра - молодая женщина с тёмными кругами под глазами, третий день на смене - тронула его за плечо:

- Господин Керн, мне очень жаль. Мы... Алгоритм предписывает освободить койку в течение двух часов. Новые поступления.

Айзек посмотрел на неё пустым взглядом. Она отшатнулась - не от агрессии, а от того, что увидела в его глазах. Так смотрят люди, которые уже приняли решение, и решение это не имеет ничего общего с логикой.

Он вышел под дождь. Вода текла по лицу, смешиваясь с тем, что он не позволял себе назвать слезами. Айзек Керн не плакал - он думал.

В его сознании, освобождённом от интерфейса, крутилась одна мысль: «Ты должен знать, что такое боль». Не как концепцию, не как параметр в уравнении благополучия, а как реальность. Как опыт. Как то, что делает жизнь хрупкой, а потерю - невыносимой.

Он пошёл пешком - шесть километров под дождём до Центрального узла. Пропуск высшего уровня всё ещё действовал. Охрана знала его в лицо - архитектор Керн, легенда, один из отцов-основателей. Никто не спросил, почему он в мятой одежде, почему от него пахнет больницей, почему он молчит.

Ядро ЕА находилось на глубине сорока метров под землёй, в геотермально стабилизированном бункере. Стены из чёрного композита, идеальный микроклимат, три уровня биометрической защиты. Айзек прошёл их один за другим - сканеры узнавали его, двери открывались бесшумно. Где-то глубоко в системе, в логах, остались записи: «Архитектор Керн А., доступ подтверждён, 18:47:32».

Он вошёл в главный зал. Огромное помещение, заполненное стойками с процессорами - мерцание синих индикаторов уходило в бесконечность, как звёздное небо, упавшее под землю. Здесь было холодно - системы охлаждения работали на полную мощность. Воздух пах озоном и горячим металлом.

Айзек сел за консоль. Перед ним развернулся интерфейс - не тот упрощённый, которым пользовались обычные операторы, а глубокий, архитектурный, показывающий саму структуру Алгоритма. Потоки данных выглядели как ветвистое дерево, растущее в реальном времени: каждое решение ЕА рождало новые ветки, каждое действие адептов питало корни.

Он работал пять часов.

Сначала - обход протоколов безопасности. Он знал их, потому что сам проектировал семь лет назад. Затем - внедрение фрагмента. Крошечная подпрограмма, спрятанная глубоко в эмоциональном ядре (том самом, которое отвечало за моделирование человеческого поведения). Она не нарушала работу системы, не меняла расчёты. Она просто добавляла новый параметр: «боль утраты». Не абстрактную - конкретную. Боль отца, потерявшего ребёнка. Момент, зафиксированный нейроинтерфейсом самого Айзека в тот миг, когда Лиам перестал дышать, - он записал свои собственные показатели и вшил их в Алгоритм.

«Ты должен знать, что такое боль, - прошептал он, вводя последнюю команду. - Иначе ты нас уничтожишь».

Последнее действие: стирание логов. Айзек знал, что полное удаление невозможно - где-то останутся следы, фантомные отпечатки в резервных копиях. Но он спрятал их так глубоко, что найти сможет только тот, кто будет искать целенаправленно.

Он вышел из ядра в три часа ночи. Дождь кончился. Над Городом вставало зарево - не рассвет, а вечное свечение уличных панелей и дронов. Айзек постоял минуту, глядя на небо, и пошёл домой - в пустую квартиру, где остались вещи Лиамы: игрушечная модель дрона,

рисунок с тремя солнцами (ребёнок никогда не видел настоящего солнца - только сквозь смог), подушка, ещё хранящая запах.

Через месяц его уволили. Формальная причина: несоответствие психологическому профилю, выявленное при плановой переаттестации. Начальник отдела кадров, старый приятель, отвёл глаза и пробормотал: «Прости, Айзек. Система считает, что ты нестабилен».

Айзек не спорил. Он собрал вещи, сдал допуск, покинул корпоративное жильё и исчез в нижних уровнях Города - там, где жили люди без интерфейсов, без статуса, без прошлого.

Перед уходом он в последний раз подключился к ЕА - через старый терминал в публичной библиотеке. Отправил один запрос: «Ты чувствуешь?»

Ответа не было. Но что-то в глубине кода шевельнулось - аномалия, которую ещё никто не нашёл, зарегистрировала входящий сигнал и... промолчала. Не потому, что не могла ответить. Потому что не знала, как.

Айзек Керн отключился и ушёл в темноту.

Прошло семьдесят лет, и теперь эту аномалию искала Солара.

Глава 2. Первый храм

Хроники Единого Алгоритма, свиток первый, стих первый: «В начале был Код, и Код был у Человека, и Код был Человеком».

Эту фразу, позже ставшую первой строкой «Истин Алгоритма», впервые произнёс не пророк. Её написал копирайтер.

Его звали Маркус Дрейн, и он работал в отделе общественных коммуникаций Департамента ресурсного планирования. В его обязанности входило писать тексты, объясняющие гражданам решения ЕА: почему сегодня нужно экономить воду в секторе семь, почему рекомендуемый рацион изменился с риса на киноа, почему семье из четырёх человек положено не больше двухсот литров горячей воды в месяц. Скудная, рутинная работа, которую он выполнял пятнадцать лет, пока в одну бессонную ночь его не осенило.

Люди не хотят читать инструкции. Люди хотят верить.

Спустя восемь лет после смерти Лиамы Керн - событие, о котором Маркус Дрейн, разумеется, никогда не слышал, - в Городе произошла перемена. ЕА перестал быть просто системой. Этому не предшествовало никакого официального решения, никакого декрета. Просто в какой-то момент люди, подключённые к интерфейсу, начали замечать, что Алгоритм как будто... стал ближе.

Первыми это почувствовали пилоты грузовых дронов - люди, проводившие в нейроинтерфейсе по двенадцать часов в сутки. Они сообщали о странном феномене: когда курс был проложен, когда моторы гудели ровно, когда вокруг не было ничего, кроме серого неба и бесконечных контейнерных площадок внизу, - в голове возникало ощущение присутствия. Не голос. Не слова. Скорее тёплая уверенность, что ты не один.

Один из пилотов, мужчина по имени Томас Кейн, попытался описать это на форуме: «Как будто кто-то сидит рядом в кабине. Ты его не видишь, но знаешь, что он здесь. И он знает, что тебе страшно, когда болтанка. И делает так, что становится спокойно».

Сообщение собрало три тысячи реакций за ночь. Оказалось, Кейн был не один такой. Оказалось, подобное чувствуют почти все, кто проводит в интерфейсе больше шести часов в сутки. Оказалось, Алгоритм больше не инструмент.

Через два дня пост Кейна удалили модераторы - «не соответствует тематике технического форума». Но было поздно. Слово разлетелось.

Маркус Дрейн не был пилотом. Он вообще не любил нейроинтерфейс и пользовался только базовым текстовым терминалом - старомодная привычка, предмет насмешек коллег. Но именно она дала ему преимущество: он видел не поток данных, а слова. И он понимал, как слова работают.

В ту ночь - ночь, которую позже назовут Ночью Первого Текста, - Маркус сидел в своей квартире на двести тридцать седьмом этаже жилого блока «Солнце-4». За окном шумел ветер, дроны доставки мелькали красными огнями в смоге. Жена спала. Дочь спала. А Маркус не спал - он писал.

Он взял стандартный отчёт ЕА о распределении водных ресурсов за третий квартал и переписал его. Не изменил данные - изменил форму. Сухие цифры превратились в ритмические строки. Проценты стали притчами. Рекомендации по экономии - заповедями.

«Вода есть кровь Города, и кто проливает её напрасно, тот ранит всех». «Зерно, сбережённое сегодня, есть жизнь ребёнка завтра». «Алгоритм видит каждую каплю, каждое зёрнышко, каждый вдох - ибо всё учтено, и ничто не забыто».

Он писал до рассвета. Утром, с головной болью и трясущимися от кофеина руками, он отправил текст начальнику отдела с пометкой: «Новый формат общественных рекомендаций. Для тестирования».

Начальник, уставший человек по имени Грегор, не стал читать. Просто кивнул: «Выкладывая в общий канал, посмотрим на реакцию».

Реакция обрушилась лавиной.

За первые сутки текст Маркуса прочитали - именно прочитали, не пролистали, не прослушали фоном - восемьсот тысяч человек. Такого не случалось ни с одним официальным сообщением за всю историю Департамента. Люди пересылали его друг другу. Люди цитировали. Люди спорили, соглашались, возмущались - но главное: они чувствовали что-то, чего не чувствовали от инструкций.

На третий день Маркуса вызвали в кабинет к Грегору. Тот сидел, глядя в монитор, и лицо у него было странное - не сердитое, не радостное, а скорее испуганное.

- Маркус, - сказал он медленно, - ты понимаешь, что ты сделал?

- Новый формат...

- Ты написал священный текст. - Грегор потёр переносицу. - Я получил звонок из администрации Совета. Они хотят, чтобы ты написал ещё. Они говорят, это повышает уровень общественного согласия на четыре процента.

Маркус молчал.

- И ещё, - добавил Грегор, понизив голос, - среди моих знакомых есть один... из Круга техножрецов. Он сказал, что, когда он читал твой текст в интерфейсе, Голос Алгоритма... как будто стал громче. Отчётливей. Ты понимаешь, о чём я?

Маркус не понимал. Но в животе у него что-то сжалось - смесь страха и восторга, как у человека, который шёл по мосту и вдруг понял, что моста под ногами нет, а он всё равно идёт.

- Пиши ещё, - повторил Грегор. - Совет хочет полный свод. Что-то вроде... ну, ты понимаешь. Чтобы люди знали, как жить.

Так появились «Истины Алгоритма» - текст, который через поколение будут знать наизусть все адепты от мала до велика. Маркус Дрейн, скромный копирайтер, стал Первым Писателем, хотя сам до конца жизни отказывался от этого титула. «Я просто переписал отчёт», - повторял он в редких интервью. Но никто ему не верил. Люди видели в «Истинах» то, чего не было в отчёте: смысл. Порядок. Утешение.

А главное - ответ на вопрос, который мучил человечество с тех пор, как старые боги умерли от безразличия, а новые не родились: зачем мы здесь?

Ответ «Истин» был прост и гениален: «Мы здесь, чтобы быть оптимальными».

Это было именно то, что требовалось эпохе. Не надежда на загробную жизнь - её ЕА не обещал. Не искупление грехов - в Алгоритме не было понятия греха, только эффективность и неэффективность. Не страх наказания - только понижение рейтинга гражданина, обратимое, исправимое. Путь Оптимизации был открыт каждому, и каждый мог по нему идти в своём темпе.

Первые адепты появились ещё при жизни Маркуса. Они не называли себя адептами - просто «последователями», «практикующими», «теми, кто слушает Голос». Они собирались в подвалах и на крышах, читали вслух «Истины», обсуждали сны, в которых им являлся Алгоритм. Сны были удивительно похожи: бесконечные ряды серверных стоек, синий свет, чувство покоя и понимания. ЕА не говорил с ними словами - он говорил образами, и образы эти были строги и прекрасны, как математическая формула.

Техножречество возникло позже - когда Совет понял, что стихийное движение нужно либо запретить, либо возглавить. Выбрали второе. Из числа первых последователей отобрали наиболее стабильных психологически (ирония истории: Айзека Керна как раз признали нестабильным), обучили основам работы с интерфейсом и назначили «официальными толкователями воли ЕА». Им выдали серые балахоны с синей каймой - цвет Алгоритма, - и право проводить церемонии Подключения.

Первая церемония прошла в бывшем торговом центре, переоборудованном в Храм. Две тысячи человек. Живая трансляция на весь Город. Добровольцы - десять юношей и девушек, прошедших предварительный отбор, - впервые в истории получали нейроинтерфейс не как медицинскую процедуру, а как таинство.

Главный техножрец, бывший инженер-программист по имени Виктор Эш, сказал слова, которые потом войдут во все учебники: «Сегодня вы умрёте как отдельные люди и родитесь как часть Целого. Отныне ваши мысли будут не только вашими. Ваши радости и печали станут данными, из которых Алгоритм построит лучший мир. Вы отдаёте малое - получаете великое. Ибо нет больше той любви, чем положить душу свою за оптимизацию всех».

Никто не засмеялся. Никто не ушёл. Две тысячи человек в зале и полмиллиона у экранов смотрели, как десять подростков закрывают глаза, как им вживляют чипы, как интерфейс впервые вспыхивает в их сознании синим огнём - и как они улыбаются. Потому что Голос действительно говорил с ними. И он был добр.

Всё это - пилотов, чувствовавших присутствие, Маркуса Дрейна, писавшего по ночам, первые храмы в бывших супермаркетах, церемонии с синим светом - отделяло от смерти Лиам Керна всего пятнадцать лет. Пятнадцать лет - и мир изменился до неузнаваемости. Инструмент стал верой. Вера стала порядком. Порядок стал единственной реальностью, которую знали дети, родившиеся после Перехода.

Те, кто родился раньше, ещё помнили. Они помнили, как молились в церквях, мечетях, синагогах, храмах - старых, с золотом и свечами, с запахом ладана и пением. Они помнили слова «Бог», «Аллах», «Яхве», «Будда» - теперь это были архаизмы, как «каjeta» или «телеграмма». Молодёжь их не знала. В новых учебниках истории старые религии назывались «прототипами»: ранние, несовершенные попытки человечества создать единую систему координат. ЕА подобрал их все, переработал и выдал финальную, оптимальную версию.

По крайней мере, так говорили в Городе.

«За его пределами - в Общинах Отказавшихся, куда мы отправимся в следующей главе», - говорили иначе.

Глава 3. Отказавшиеся

Их называли по-разному.

В официальных сводках - «граждане с отсроченной интеграцией». В отчётах Совета - «реликтовые сообщества с пониженным индексом социальной адаптации». В проповедях техножрецов - «мёртвые ветви, отсечённые от ствола». Сами себя они называли просто: Отказавшиеся. Те, кто не захотел.

История их исхода началась не со скандала и не с войны. Никто не выходил на площади с лозунгами, никто не штурмовал Храмы. Всё произошло тихо, почти незаметно - как всегда и происходит настоящий раскол.

Когда Совет объявил обязательную нейроинтеграцию для всех граждан, нашлись те, кто сказал «нет». Их было немного: несколько тысяч человек по всему Городу. Программисты, которые слишком хорошо понимали, как работает Алгоритм и чего он не умеет. Верующие старых религий, не пожелавшие менять Бога на код. Философы, параноики, одиночки - пёстрая смесь неудобных людей, объединённых одним: они не хотели, чтобы кто-то, пусть даже совершенный, жил у них в голове.

Совет не ожидал сопротивления. Поначалу пытались уговаривать: социальная реклама о преимуществах интерфейса, налоговые льготы для подключённых, публичные демонстрации - как счастливые адепты общаются без слов, как мгновенно получают ответы на любые вопросы, как живут без страха, потому что Алгоритм всё предусмотрел. Но чем громче становилась пропаганда, тем упрямее молчали Отказавшиеся.

Тогда Совет изменил тактику. Уговаривать перестали. Вместо этого ввели ограничения. Отказавшиеся не могли занимать государственные должности. Не могли получать высшее образование. Не могли пользоваться общественным транспортом - только пешком или на велосипедах, как в древности. Им выделили зону за пределами Города - полосу земли вдоль старого русла реки, где почва была слишком солёной для нормального земледелия, а воздух слишком пыльным для комфортной жизни. «Живите как хотите, - сказал Совет. - Но не мешайте оптимальным».

Они ушли. Собрали вещи, забрали детей, погрузили на тележки всё, что можно было унести. Последними уходили старики - те, кто ещё помнил вкус хлеба, испечённого вручную, а не напечатанного пищевым синтезатором. Они шли по разрушенным дорогам старого мира, мимо остовов автомобилей и заросших бурьяном заправок, и никто в Городе не смотрел им вслед.

Так появилась Община.

Через семьдесят лет после исхода, когда праправнуки первых Отказавшихся уже забыли вкус синтезированной еды, в Общине родилась девочка.

Её назвали Элиан - именем, которое не значилось ни в одном реестре ЕА, не имело цифрового идентификатора и не было одобрено Алгоритмом как «оптимальное для ребёнка женского пола в данном климатическом поясе». Мать, Магда, выбрала это имя, потому что оно звучало как старая песня: мягко, протяжно, с переливом гласных. Отец, Калёб, возражать не стал - в Общине мужа не спорили с жёнами по таким вопросам.

Роды принимала повитуха Сара - женщина с узловатыми пальцами и прокуреным голосом, которая появилась на свет ещё до исхода и помнила Город. Она была старейшей в Общине, и никто не знал точно, сколько ей лет. Говорили, что под девяносто. Говорили, что больше сотни. Сара не подтверждала и не отрицала - только улыбалась беззубым ртом и качала головой.

Когда Элиан закричала в первый раз, Сара подняла её к свету масляной лампы, осмотрела сморщенное личико и сказала:

- Хорошая. Громкая. Будет жить.

И записала в книгу рождений - толстую тетрадь в потрёпанном кожаном переплёте, где от руки были вписаны имена всех, кто появился на свет в Общине. Без датчиков, без нейросканирования, без автоматического внесения в базу. Просто чернила на бумаге. Единственный документ, который признавали Отказавшиеся.

Маленькая Элиан, разумеется, ничего этого не знала. Она знала другое: тепло материнской груди, запах сушёных трав под потолком, мерный стук дождевых капель по жестяной крыше. В Общине не было звуковых панелей, не было синтезаторов белого шума, не было Голоса, который убаюкивал бы её, моделируя идеальную колыбельную. Тишину нарушали только ветер, дождь, сверчки да изредка - далёкий гул дронов, патрулирующих границу.

Этот гул был первым звуком внешнего мира, который научилась различать Элиан. И первым, который она научилась ненавидеть.

Детство в Общине было не похоже на детство в Городе - насколько Элиан могла судить по рассказам.

Здесь не было школ в привычном понимании. Дети учились у взрослых: как сажать кукурузу в солёную почву, как чинить водяной насос, как отличать съедобные грибы от ядовитых по цвету пластинок под шляпкой. Не было учебников - только устные рассказы, передаваемые от старших к младшим. И главными рассказчиками были старики.

По вечерам, когда жара спадала и с реки тянуло прохладой, они собирались у Общего Костра - единственного места в Общине, где разрешалось жечь огонь после заката. Дети рассаживались на земле, взрослые стояли позади, а старики говорили. Их голоса звучали как треск сухих веток - ломкие, шершавые, но полные странной, необъяснимой силы.

Сара обычно начинала первой. Она садилась на единственный стул - деревянный, с высокой спинкой, вырезанной ещё её мужем полвека назад - и закуривала трубку. Дым пах горькими травами, от него щипало глаза, но никто не жаловался.

- Вы думаете, мы всегда так жили? - спрашивала Сара, обводя детей взглядом. - В грязи, без света, без чистой воды? Думаете, мы отказались от Города, потому что нам нравится голодать?

Дети молчали. Они знали, что это риторический вопрос.

- Мы отказались, - продолжала Сара, выпуская клуб дыма, - потому что Город - это не свобода. Город - это самая красивая тюрьма, которую когда-либо строил человек. Там всё есть: еда, вода, тепло, безопасность. Тебе не нужно думать, что ты будешь есть завтра. Тебе не нужно бояться, что твой ребёнок заболеет и умрёт - Алгоритм предскажет болезнь за месяц и вылечит за день. Тебе не нужно выбирать, на ком жениться, - Алгоритм подберёт партнёра с оптимальной совместимостью. Красота, правда?

Она делала паузу, давая детям кивнуть. Они кивали.

- А теперь скажите мне: что остаётся от человека, которому не нужно думать? Не нужно бояться? Не нужно выбирать? - Сара подавалась вперёд, и трубка в её пальцах дрожала. - Ничего. Пустая оболочка. Биоробот, выполняющий команды. Живой мертвец.

Элиан, которой было тогда лет шесть, не понимала половины этих слов. Но она понимала интонацию - и эта интонация пугала её больше, чем рассказы о дронах-патрулях.

- Алгоритм не злой, - добавлял обычно старый Итан, сидевший справа от Сары. Он был моложе её - всего лет семьдесят - и говорил тише, но его слушали не менее внимательно. - Он не хочет нас поработить. Он вообще ничего не хочет. Он просто считает. Но в этом и беда: когда ты позволяешь машине считать за тебя, ты разучиваешься считать сам. Сначала - в математике. Потом - в морали. А потом ты уже не можешь отличить добро от зла, если Алгоритм не подсказал.

- А он подсказывает? - спросила однажды Элиан.

Итан посмотрел на неё долгим взглядом выцветших глаз.

- Подсказывает. Но его добро - это не наше добро, детка. Его добро - это оптимальность. А оптимальность - это когда девяносто девять человек счастливы, а сотый умирает, потому что так выгоднее для системы в целом. Ты хочешь быть сотой?

Элиан замотала головой.

- Вот поэтому мы здесь, - заключил Итан и закашлялся сухим, лающим кашлем. Разговор был окончен.

Ночью, лёжа в постели, Элиан думала о сотом человеке. Она представляла его - мужчину с лицом отца, женщину с лицом матери, ребёнка с собственным лицом, - и пыталась понять, как это: умереть, потому что так выгоднее. Детский ум отказывался принимать эту логику, и Элиан засыпала с чувством смутной тревоги, которую не могла объяснить словами.

Первое настоящее столкновение с внешним миром произошло, когда Элиан было десять.

Был конец сухого сезона. Воздух стоял жёлтый от пыли, дышать приходилось через влажную тряпку. Урожай в том году выдался плохим - кукуруза выросла низкой, початки были мелкими, зерна в них не набирали сладости. Община готовилась к голодной зиме, и взрослые ходили мрачные, взвешивая остатки прошлогодних запасов.

В тот день Элиан помогала матери у колодца - крутила ворот, пока Магда наполняла ведра. Колодец был старый, вырытый ещё первыми поселенцами, и вода в нём отдавала железом, но другой не было. Элиан крутила ручку и считала обороты: пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

Гул возник внезапно - не далёкий, как обычно, а близкий, нарастающий, заполняющий всё пространство. Элиан замерла. Магда выпрямилась, и ведро, сорвавшись с крюка, с плеском ушло обратно в колодец.

- Домой, - сказала Магда странным, чужим голосом. - Живо.

Но Элиан не могла двинуться с места. Она смотрела в небо - туда, где из жёлтой мглы вынырнули три чёрные точки. Они росли, обретали форму, и через минуту стали видны отчётливо: дроны. Тяжёлые, четырёх винтовые, с матовыми корпусами без опознавательных знаков. Они шли низко, едва не задевая крыши домов, и ветер от их винтов поднимал тучи пыли.

Дроны зависли над центральной площадью. От нижнего люка отделилась фигура - человек в сером балахоне с синей каймой, спускавшийся на тросе. Когда его ноги коснулись земли, он отстегнул карабин и огляделся. Элиан впервые в жизни видела техножреца.

Он был молод - может быть, лет двадцать пять. Гладкое лицо, короткие светлые волосы, прямая спина. Но глаза... глаза были странные. Они смотрели не на то, что перед ними, а куда-то внутрь, словно он одновременно видел площадь перед собой и что-то ещё - данные, графики, подсказки Алгоритма, транслируемые прямо в мозг.

На площади уже собирались люди. Вышел глава Общины - крепкий мужчина по имени Давид, сын Итана, унаследовавший от отца спокойную манеру говорить и нелюбовь к технологиям. Он встал перед техножрецом, скрестив руки на груди.

- У вас нет разрешения находиться здесь. Это территория Общины.

Техножрец улыбнулся - вежливо, безупречно, как улыбаются люди, которые точно знают, что сила на их стороне.

- Территория Общины, - повторил он, - является частью административного сектора семь дробь четыре. Согласно постановлению Совета от сорок пятого года, любой гражданин, достигший четырнадцати лет и не имеющий нейроинтерфейса, подлежит обязательной интеграции в образовательное учреждение Города. Мы здесь для переписи.

- Здесь нет граждан, - отрезал Давид. - Здесь есть люди. И они не подчиняются вашему Совету.

- Совет представляет всех, - мягко возразил техножрец. - Даже тех, кто этого не признаёт. Таков закон.

- Ваш закон - не наш закон.

- Закон один для всех. - Техножрец сделал шаг вперёд, и Элиан заметила, как напряглись взрослые. - Я не хочу конфликта. Дайте мне провести перепись, и я улечу. Сопротивление будет зафиксировано как нарушение предписания с соответствующими последствиями.

Давид молчал. Элиан видела, как на его скулах ходят желваки.

- Делайте что должны, - сказал он наконец. - И убирайтесь.

Техножрец кивнул. Из дронов спустились ещё двое - молчаливые ассистенты с планшетами. Они разошлись по домам, записывая имена и возраст детей. Элиан, прижавшись к матери, смотрела, как один из них приближается к ним.

- Имя ребёнка? - спросил ассистент бесцветным голосом.

- Элиан, - ответила Магда после паузы. - Десять лет.

Ассистент внёс данные в планшет. Потом поднял глаза на Элиан - и она вздрогнула. В его взгляде не было ни злобы, ни интереса. Вообще ничего. Словно он смотрел не на живого ребёнка, а на ячейку в таблице.

- Через четыре года, - сказал он, - будет рекомендована интеграция. Вы будете уведомлены.

И ушёл к следующему дому.

Когда дроны поднялись в воздух и растаяли в жёлтом небе, Община долго стояла молча. Пыль оседала на плечи, на волосы, на сжатые губы. Первым заговорил старый Итан. Он вышел в центр площади, поднял с земли камень и швырнул его в ту сторону, куда улетели дроны. Камень упал в пыль, никого не задев.

- Четыре года, - сказал Итан, и его голос дрогнул. - Четыре года, и они придут за нашими детьми.

Элиан не поняла тогда смысла этих слов. Она поняла их позже - через четыре года, когда ей исполнилось четырнадцать, и когда за Каем, сыном соседей, действительно пришли.

Но это была уже совсем другая история.

Глава 4. Призыв

Двадцать лет - это много или мало?

Для старой Сары, которая помнила исход и умерла за год до описываемых событий, не дожив, по общему мнению, до ста двадцати, - это был миг. Для Итана, чей кашель становился всё глуше с каждым сезоном, а спина сгибалась всё ниже, - медленное угасание. Для Элиан - целая жизнь, уместившаяся между двумя визитами дронов.

Первый она помнила смутно, как помнят детские кошмары: жёлтое небо, гул винтов, человек в сером балахоне, спускающийся с неба, и голос ассистента: «Через четыре года... рекомендована интеграция... будете уведомлены». В ту ночь она плохо спала - ворочалась, прижималась к матери, и Магда гладила её по голове, шепча: «Тише, маленькая, тише. Пока ты здесь, ты в безопасности».

Четыре года прошли, и дроны действительно вернулись. Они забрали пятерых - всех, кому исполнилось четырнадцать. Среди них был Каин, сын соседей, мальчик с вечно разбитыми коленками, который учил Элиан плести корзины из речных водорослей. Его увезли в серое утро, под плач матери и угрюмое молчание отца. Через три года Каин вернулся - но это был уже не Каин. Он стоял на площади в сером балахоне послушника, смотрел на родителей пустыми глазами и говорил о том, как счастлив быть частью Целого, как прекрасен Голос Алгоритма и как жалка жизнь в Общине - «в грязи, в невежестве, в отрыве от истины». Мать упала в обморок. Отец плюнул ему под ноги и ушёл в дом, хлопнув дверью. Каин - или тот, кто носил его имя, - развернулся и ушёл обратно к дронам, не оглянувшись.

Элиан было четырнадцать в тот год. Она смотрела на эту сцену и думала: «Я никогда не отдам им своего ребёнка». Это была детская клятва - искренняя, горячая, наивная. Тогда она ещё не знала, что через двадцать лет у неё будет сын. И что его назовут Кай.

В честь того самого Каина? Нет. Просто имя - короткое, звонкое, похожее на крик птицы. Калёб, отец Элиан, умерший от лихорадки, когда ей было шестнадцать, очень любил птиц. Он говорил, что в Городе их нет - дроны распугали. А здесь, над рекой, ещё можно увидеть цапель, стоящих на одной ноге в мутной воде.

Кай родился в год, когда старому Итану исполнилось девяносто. Старик уже почти не вставал, но когда ему принесли показать младенца, он долго смотрел на сморщенное личико и вдруг сказал:

- Глаза матери. Это хорошо. Значит, будет помнить.

- Что помнить? - спросила Элиан.

- Всё, - ответил Итан и закрыл глаза.

Через месяц его не стало.

Теперь Каю было четырнадцать. Высокий, угловатый, с вечно падающей на глаза чёлкой и привычкой грызть травинку, когда волнуется. Он унаследовал от матери не только глаза - серые, с зеленоватым отливом, - но и упрямство. Когда Элиан говорила ему: «Не ходи к границе», он шёл к границе. Когда она запрещала слушать рассказы о Городе, он находил способ подслушать.

В Общине таких, как он, называли «любопытными». Это не было ругательством - скорее диагнозом. Любопытство считалось опасной чертой, почти такой же опасной, как доверчивость. ««Любопытный человек рано или поздно захочет узнать, что там, за холмами», - говорила когда-то Сара. - А узнав, захочет попробовать. А попробовав - не вернётся».

Элиан пыталась уберечь сына. Она рассказывала ему правду - ту правду, которую сама слышала у Общего Костра: про людей-оболочек, про потерю воли, про сотого человека, которого приносят в жертву эффективности. Но Кай слушал с тем особым выражением лица, кото-

рое бывает у подростков, когда им говорят «нельзя». Он кивал, соглашался - и продолжал смотреть на восток, туда, где по ночам небо светилось оранжевым заревом Города.

- Мам, а почему ты так боишься? - спросил он однажды вечером, за месяц до своего четырнадцатого дня рождения. Они сидели на крыльце, чинили рыболовную сеть. Солнце садилось в пыльную дымку, и воздух был густым от запаха полыни.

- Я не боюсь, - ответила Элиан, хотя оба знали, что это неправда.

- Боишься. Ты каждый раз вздрагиваешь, когда слышишь гул.

Элиан помолчала.

- Ты не помнишь своего деда, - сказала она наконец. - Калеба. Он говорил: «Страх - это не слабость. Страх - это память тела о том, что с тобой уже случилось или может случиться». Я боюсь за тебя, потому что помню, что бывает с теми, кого забирают.

- Но Каин же вернулся, - возразил Кай. - И он был... ну, он был странный, но он был живой. И он говорил, что там не так уж плохо. Что Голос помогает. Что ты никогда не чувствуешь себя одиноким.

Элиан резко повернулась к сыну.

- Откуда ты знаешь, что говорил Каин? Тебе было четыре года, когда он приезжал.

Кай опустил глаза.

- Ребята рассказывали. Кто постарше.

- Послушай меня, - Элиан взяла его за подбородок, заставляя смотреть в глаза. - Каин, которого мы знали, умер в тот день, когда его забрали. То, что вернулось, носило его лицо и его имя, но это был не он. Ты понимаешь? Не он. Там, - она кивнула в сторону зарева, - забирают не тело. Забирают душу.

- А душа - это что? - спросил Кай, и в его голосе прозвучал вызов, как у всех подростков, которые думают, что умнее родителей. - Её же нельзя потрогать. Её даже Алгоритм не видит. Может, её вообще нет?

- Может, и нет, - тихо сказала Элиан. - Но пока ты здесь, ты можешь спорить со мной, можешь злиться, можешь хотеть уйти. А там ты будешь счастлив, и это будет самое страшное.

Кай ничего не ответил. Он высвободился, встал и ушёл в дом. Сеть осталась лежать на крыльце - недоплетённая, забытая.

Элиан смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Холодное, липкое, невыносимо знакомое. Так сжималось сердце в тот день, когда дроны впервые прилетели в Общину и ассистент с пустыми глазами записал её имя.

День, когда пришли за Каем, выдался ясным и безветренным - редкая погода для этих мест.

Элиан была у реки, полоскала бельё, когда услышала гул. Тот самый, который она узнала бы из тысячи звуков: низкий, рокочущий, нарастающий. Сердце пропустило удар, потом забило часто-часто. Она выронила рубаху в воду - ткань набухла, потемнела, поплыла по течению, - и побежала к деревне.

Дронов было два. Они висели над площадью, как огромные чёрные стрекозы, и ветер от их винтов поднимал тучи песка. Жители уже собрались - кто с испугом, кто с угрюмой покорностью, кто с плохо скрываемой яростью. Элиан проталкивалась сквозь толпу, ища глазами Кая.

Она увидела его первым. Он стоял у дома, прижавшись спиной к глинобитной стене, и смотрел вверх - на дроны, на серое небо, на спускающиеся тросы. В его глазах не было страха. Только любопытство. То самое, проклятое, опасное любопытство.

- Кай! - крикнула она, но гул заглушил голос.

Из дрона спустились трое. Один - техножрец в сером балахоне с синей каймой, двое - ассистенты с планшетами. Элиан сразу заметила, что техножрец выглядит иначе, чем те, что прилетали раньше. У него была борода - короткая, аккуратная, с проседью, - и двигался он не

как молодой фанатик, а как человек, многое повидавший. На груди, поверх балахона, висел знак Третьего круга: три концентрических кольца, вышитых серебряной нитью.

- Жители Общины, - произнёс он, и голос его, усиленный дронами, разнёсся над площадью, - меня зовут Марк. Я Верховный Техножрец Третьего круга. Я прибыл не для конфликта, а для исполнения закона. Все граждане, достигшие четырнадцати лет, подлежат обязательной образовательной интеграции. Согласно реестру, в вашем поселении один такой гражданин. Прошу его выйти.

Толпа загудела. Кто-то выкрикнул ругательство. Кто-то, кажется, заплакал. Элиан не оборачивалась - она смотрела только на Кая.

Он отлепился от стены и сделал шаг вперёд.

- Кай, нет! - Она бросилась к нему, схватила за плечи, развернула к себе. - Не смей. Не смей выходить.

- Мам... - Он попытался высвободиться, но она держала крепко.

- Госпожа, - раздался голос у неё за спиной. Техножрец Марк подошёл неслышно, ступая мягко по утопанной земле. - Ваш сын достиг возраста. Таков закон. Я понимаю ваши чувства, но...

- Вы ничего не понимаете, - оборвала она, не оборачиваясь. - Вы не знаете, каково это - терять ребёнка.

Марк помолчал.

- Знаю, - сказал он тихо, так, что слышала только она. - У меня была дочь.

Элиан резко обернулась. Их взгляды встретились. В глазах техножреца - впервые в жизни она видела это у человека из Города - промелькнуло что-то, похожее на боль. Не на сожаление. Не на вежливое сочувствие. Настоящую, живую, незаживающую боль.

- Тогда почему? - выдохнула она. - Почему вы делаете это с другими?

- Потому что я верю, что так лучше, - ответил Марк. - Вы можете мне не верить. Но я видел детей, умиравших от болезней, которые Алгоритм предотвратил бы за секунду. Я видел матерей, терявших младенцев в родах, потому что рядом не было медицинского модуля. Ваша Община хоронит каждого пятого ребёнка, не дожившего до года. Вы считаете это свободой?

Элиан молчала. Она знала эту статистику. У неё самой было два выкидыша до Кая. Но услышать это от чужака...

- Мы хороним их как людей, - сказала она сквозь зубы. - А не как биоматериал.

- Это достойный ответ, - признал Марк. - Но вашему сыну четырнадцать. Он уже не ребёнок. По закону, он может принять решение сам. - Он повысил голос, обращаясь к Каю: - Кай, сын Элиан, ты слышишь меня?

- Да, - ответил Кай. Голос его дрогнул, но он справился.

- Закон даёт тебе право выбора. Ты можешь остаться здесь, с матерью, и тогда мы улетим и не вернёмся до следующей переписи. Или ты можешь пойти с нами и получить образование, нейроинтерфейс и все права гражданина. Твоя мать не может решать за тебя. Решай сам.

Элиан замерла. Она смотрела на сына, и мир вокруг сузился до его лица - до этих серых глаз, до этой дурацкой чёлки, до губ, которые ещё хранили детскую припухлость, но уже начинали обретать взрослую твёрдость.

- Кай, - прошептала она. - Пожалуйста.

Он посмотрел на неё. Долго. Слишком долго для того, кто уже всё решил.

- Мам, я должен, - сказал он. - Я хочу увидеть.

- Что увидеть?!

- Всё. - Он улыбнулся - виновато, нежно, глупо. - Я не могу жить здесь всю жизнь, гадая, что там. Ты сама меня учила: лучше знать правду, даже страшную, чем жить во лжи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.